

ЛитРес:

Алекс Д
Лана Мейер

ТАНЦЫ НА СТЕКЛАХ

18+

Восточные (не)сказки

Алекс Д

Танцы на стеклах. Книга 1

«Лана Мейер»

«Алекс Д.»

2019

Д А.

Танцы на стеклах. Книга 1 / А. Д — «Лана Мейер», «Алекс Д.», 2019 — (Восточные (не)сказки)

История одержимости высокомерного сына арабского шейха Джарета Саадата и скромной американки Мелании Йонсен началась в стенах университета, а закончилась в восточной стране, на ковре из разбитых осколков ее сердца, где Мэл исполнила свой полный слез и агонии танец... танец на стёклах. Джаред: «Она станет новым эксклюзивным бриллиантом в моей коллекции, требующим скрупулёзной огранки. Я с упоением отточу все грани ее боли, наслаждаясь своей властью. Никогда она не сможет быть прежней... после меня». Мэл: «Я попала в восточную НЕ сказку. Где шёлковый поводок и драгоценная маска, закрывающая все моё лицо – реальность. И ОН будет делать со мной все, что захочет.» Внимание! 18+ Книга содержит нецензурную брань и сцены насилия.

© Д А., 2019

© Лана Мейер, 2019

© Алекс Д., 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Алекс Д., Лана Мейер

Танцы на стёклах

Алекс Д.
Лана Мейер

* * *

«Каждый из нас носит в себе и ад, и небо.»
Оскар Уайльд. «Портрет Дориана Грея»

Пролог

Мелания

Паника.

Мне не хватает воздуха.

Вокруг тьма.

Давление в груди словно выбивает кислород из моих легких, и вот я уже жадно пытаюсь вдохнуть, но не могу. Каждая попытка заканчивается кашлем, беспомощно давлюсь кляпом, и мысленно прощаюсь с жизнью. Если похитители хотят денег, то я обречена... Боже, пусть конец не будет мучительным, я боюсь боли.

Слух разрезает монотонный звон и механический рев турбинного двигателя. Я мотаю головой, но по-прежнему ничего не вижу. Что-то скрывает мое лицо, я не могу скинуть это, и лишь отчаянно продолжаю дёргаться.

Я в самолете?

Теперь мне не просто страшно. Я в ужасе. Задыхаюсь еще сильнее, пытаюсь побороть паническую атаку. Пот градом льется по спине, пока я пытаюсь освободиться из оков. Я словно каменею, пальцы онемели; связанные за спиной запястья вспыхивают болью от каждого резкого движения. Сознание отказывается воспринимать действительность. Этого не может быть. Сон, страшный сон. Я все еще дома, в теплой постели, а не в самолете (теперь я уверена, что это самолет) в руках сумасшедших похитителей. Боже, да кому я нужна?

– Вытащи кляп, Амир, а то задохнется. Это тело нужно мне живым, – слышу знакомый до дрожи голос, и это становится последней, черт возьми, каплей. Нет, только не... – Пока ещё нужно.

Полной грудью вдыхаю тяжелый и спертый воздух. Кашляю, содрогаюсь всем телом. Грудная клетка горит огнем от острой нехватки воздуха, голова идет кругом. Пытаясь оценить ущерб, начинаю осознавать, что происходящее не сон, а самая жуткая из возможных реальностей. Я должна была понять... Хватит, Мэл. Прекрати жалеть себя. Ты жива, и он не убьет тебя. Хотя... Черт побери, он может сделать так, что я буду просить его, чтобы убил. Я знаю, что он может.

По крайней мере, я не раздета. Хлопковая пижама прилипает к липкому телу. Смутно вспоминаю, как меня вытащили из кровати, не дав опомниться и до конца проснуться. Я не видела их лиц. Черт, я даже понять ничего не успела.

Когда тот, кого ОН назвал Амир вытаскивает изо рта кляп, я понимаю, почему ничего не видела и не могла дышать. Похититель вытащил кляп, но оставил мешок. Как в дешевом триллере. Идиотизм.

– Снимите с меня ЭТО! – кричу хрипло, во рту пересохло. Мой голос звучит глухо, неестественно и жутко. В очередной раз доказывая реальность происходящего.

Я сижу в самолете с мешком на голове.

Украдена из теплой постели, по прихоти этого ублюдка.

– Сними с меня ЭТО! – повторяю я по слогам.

– Ты действительно хочешь этого? – отвечает надменный снисходительный голос, пропитанный ласковыми, угрожающими нотками. Голос, от которого кровь в моих жилах стынет. Я не хочу реагировать на него. Все кончено.

– Да! Сними с меня эту вонючую гадость! – мой голос словно надламывается и звучит, как писк беззащитной мышки. Мне самой противно от своей трусости и слабости. Его мягкий и вкрадчивый смех возвещает о том, что подонка лишь смешат мои попытки сопротивления.

– Снимите, – короткий, точный, властный приказ, и с меня срывают мешок и повязку для глаз, в которой я уснула.

Я думала, что свет и зрение помогут справиться с удушьем, но как бы не так. Новая, более сильная волна паники вновь бросает меня в пот, и наши взгляды с подонком встречаются.

Я чувствую себя такой незащитной под прицелом его глаз, в этой идиотской пижаме с мишками и гнездом спутанных волос на голове.

В то время, как ОН восседает на шикарном кожаном кресле кремового цвета и явно ощущает себя королем и хозяином положения.

Свет, бьющий в окно, подсвечивает его смуглую кожу.

Бронзовый блеск на точеных скулах. Выразительные и мужественные черты лица, дарующие ублюдку дьявольскую красоту, которую он не заслужил. Судорожно вспоминаю, как проводила губами по четкой линии его челюсти, и сама ужасаюсь подобной мысли. Я верила, что он человек, что ему, как и другим, свойственно раскаяние, не чужды совесть и нежность. Глупая... Мне хочется плакать, но он не дожидается.

Двухдневная щетина и легкая ухмылка обрамляют его губы, и с едва стучащим от страха сердцем, я возвращаюсь к стальным глазам – не раз замечала, что они меняли цвет, и теперь были серебристого, мерцающего оттенка.

Выражение глаз – пустое, словно гладь зеркала, непостижимая бездна. Нечитаемое настолько, что кажется, если смотреть долго, я смогу увидеть свое отражение. Свое отчаяние, незавидную судьбу. На дне черных, огромных зрачков таится темное удовлетворение и мой приговор. И жажда...

Жажда мести.

Дергаюсь, но это не имеет смысла. Хочу закричать, но не успеваю. Ублюдок подает голос:

– Не захотела по-хорошему, крошка, будет по-плохому. Будешь на цепи сидеть, и мои пальцы лизать. И не только пальцы, – цедит он, сквозь зубы, а потом кидает в меня прямоугольной плоской коробочкой из дорогого черного бархата. Я отшатываюсь, будто от удара. Он издевается? Что это? Подарок?

– Открой, – еще один короткий приказ, надменный, едва заметное движение головой кому-то за моей спиной. Высокий, смуглый, темноволосый мужчина с непроницаемым лицом возникает в поле моего зрения и медленно раскрывает передо мной футляр.

На дне лежит инкрустированная драгоценными камнями платиновая маска с поднятыми к вискам разрезами для глаз, закрывающая лицо до самой линии губ. Она могла бы показаться произведением искусства. Если бы я не знала, что это.

Подобные украшения шейхи дарят своим женам... и наложницам.

Несчастные женщины носят ее вместе с абайей в тридцатиградусную жару, не смея поднять голову...

И судя по предыдущей реплике ублюдка, он предлагает мне вовсе не брак. И он не предлагает. Это приказ.

Глава 1

Два года назад

Джаред

Откинувшись на спинку не самого удобного кожаного кресла, я с фальшиво-вежливым выражением лица изучаю обстановку кабинета президента Йельского университета, в ожидании оглашения причины моего присутствия здесь. Руки расслабленно лежат на подлокотниках, лениво изучаю недавно приобретенные часы в одном из бутиков на Манхэттене. Я заплатил за них столько же, сколько за два года обучения здесь. Красивая, редкая вещь, а красивые вещи стоят любых денег.

Президент молчит, пока я сверлю раздраженным взглядом его спину. Интересно, известно ли Генри Роджерсу, что за глаза его прозвали кроликом? И, действительно, сходство есть. Высокий, худощавый, неуклюжий, с зубами, выступающими вперед, и залысынами на висках. Неприятный тип, и даже дорогой костюм, болтающийся на нем, как на палке, не спасает от общего гнетущего впечатления.

– Ты, наверное, недоумеваешь, по какой причине тебя вызвали ко мне, а не к профильному ректору? – наконец, подал голос Роджерс, поворачиваясь ко мне и складывая руки за спиной. Его лицо полностью лишено эмоций. Я небрежно пожимаю плечами, ощущая тянущее напряжение в мышцах. Утренняя тренировка дает о себе знать. Напрягаю руку, сжимая кулак, с удовлетворением наблюдая за работой бицепса, трицепса и плечелучевой мышцы. Скоро состоится ежегодное соревнование по гребле на байдарках, и я просто обязан снова взять приз. Это уже традиция, а к традициям я отношусь серьезно, хотя порой и с легкой долей иронии.

– Да, сэр, я в недоумении. Вы правы, – вежливо отвечаю я, натягивая улыбку. В моей стране не принято проявлять свои истинные эмоции, даже если человек тебе неприятен.

– Скажите мне, мистер Саадат... – начинает президент, усаживаясь в свое огромное кресло, в котором выглядит еще более тщедушным.

– Просто Джаред, сэр. Имени будет достаточно, – улыбаюсь, как можно искренне. Даже мышцы лица начинают затекать. Переходи уже к делу, кретин.

– Хорошо, Джаред. Возможно, ты сможешь мне и начнешь сам?

И вот здесь я перестаю строить из себя пай-мальчика. Улыбка сползает с моего лица, я надменно вздёргиваю бровь, с раздражением глядя в непроницаемое лицо президента.

– Сэр, если поверенный моего отца не произвел ежемесячный благотворительный платеж на счет университета, то сегодня же это недоразумение будет исправлено.

– Не волнуйся, Джаред, все выплаты поступили вовремя. Университет очень благодарен вашей семье за щедрую помощь и участие в благотворительных мероприятиях. И, наверное, это единственная причина, почему мы с тобой разговариваем сейчас.

– Вы говорите загадками. Я не понимаю, о чем идет речь, президент.

– Тебе о чем-то говорит имя Сэм Ченси? – Роджерс выстреливает в меня острым взглядом, складывая ладони на столе, одну на другую. Я усмехаюсь, прищуривая глаза.

Если думаешь, что можешь испугать меня, выкуси. Хрен что ты мне сделаешь. До конца курса остались считанные недели. Я уже сдал все экзамены. Отрабатывай миллионы, которые вваливает в Йель моя семья, мистер Кролик.

– Не припомню, – вслух произношу я. Это заведомая ложь. Но врать с безупречной улыбкой на лице я умею, как никто другой. Этот урок я освоил первым после того, как моя мать сбежала от отца, бросив меня.

– А если хорошо подумать? – терпеливо спрашивает Роджерс. – Джаред, в твоих интересах сказать правду.

– Я не понимаю, о чем речь, – настаиваю упрямо, холодно глядя в бесцветные глаза Генри Роджерса. И вот, впервые за время моего тут пребывания, я вижу эмоцию на бледном морщинистом лице. Удивление. Неприятие.

– Ты думаешь, что все предусмотрел? Что все вокруг дураки, которые не видят того, что ты и твоя свита устроили в стенах Йеля? Ты не первый, кто думает, что может устанавливать здесь свои правила. Все они, рано или поздно, ушли. Вопрос в том – как уйти. Ты считаешь, что неуязвим?

– Вообще-то да, – раз разговор перешел на такой уровень, я пренебрежительно киваю. Дома я бы заслужил пощечину за подобное неуважение к человеку почтенного возраста, такому, как Генри Роджерс.

– Должен разочаровать тебя, Джаред. Ты забыл, мой мальчик, что в стенах нашего престижного университета учились пять президентов Америки. А твой отец – шейх небольшой страны на ближнем востоке. Я хочу, чтобы ты понял, как можно раньше, что здесь, в Америке, вы должны следовать нашим законам, – интонация Роджерса меняется. Он переходит на повышенные тона. – Этот парень, Сэм Ченси, сейчас находится в больнице в критическом состоянии, лишь потому, что хотел попасть в число твоих приближенных.

– Ну, это уже его выбор. Или нет? – криво улыбаюсь я, скучающе глядя на свои часы. Через десять минут у меня начинается лекция по психологии. Не самый интересный предмет, но, к сожалению, входит в список обязательных курсов по моему направлению.

– Прекрати разыгрывать из себя принца, Джаред. Здесь ты такой же студент, как и все. У меня есть показания человека, который видел, как ты, твой друг Мэтт Калиган и другие ваши приятели заставили Сэма пить алкоголь, чтобы продемонстрировать свою готовность вступить в избранный круг Джареда Саадата.

– Сэм не подтвердит слова вашего свидетеля, – самоуверенно заявляю я.

– Если выживет, Джаред, – сухо замечает Роджерс. – А если нет, то это уже будет другое дело. Понимаешь меня?

Сжав губы, с исподлобья упрямо сморю на президента.

– Вы все можете получить обвинение в убийстве, – невозмутимо выносит приговор президент Роджерс.

– Он пил сам, – копируя его интонацию, отвечаю я.

– Показания свидетеля говорят о другом.

– Ваш свидетель врет. Бар был переполнен людьми, и я уверен, что никто из присутствующих не подтвердит слова вашего свидетеля. Я знаю свои права и законы вашей, уважаемый президент, страны, – пафосно произношу я, ожидая волны праведного гнева, но в ответ получаю такую же снисходительную улыбку.

– Я тебя понял, Джаред. Как управляющий университетом, я должен был предупредить о возможных последствиях для тебя и твоих друзей. Если раньше на многое закрывалось глаза, в связи с тем, что ваши действия ненесли тяжкого ущерба здоровью других студентов, то данная ситуация может обернуться для тебя не лучшим образом.

– Спасибо, что поставили меня в известность, – сухо улыбаюсь я.

– Заканчивайте свои игры, Джаред, – в голосе президента появляются покровительственные нотки. – У вас осталось два месяца, а потом получение диплома. Не вынуждай меня звонить твоему отцу. Ему не понравится, что его сын ведет себя неподобающим образом в престижном заведении.

– Я вас услышал, сэр, – киваю я, поднимаясь.

– Всего доброго, Джаред. Советую тебе навестить Сэма Ченси в больнице.

– Приму к сведению. До свидания, сэр. Спасибо за уделенное время, – с плохо скрываемым сарказмом говорю я и сдержанно киваю. Президент не отвечает, а просто сверлит меня

пристальным взглядом. Я поворачиваюсь и направляюсь к двери. И весь путь ощущаю на себе этот неприятный, тяжелый взгляд президента Роджерса.

Оказавшись в коридоре, я, сквозь зубы, бросаю ругательство на своем родном языке. За четыре года я много чего наворотил в стенах Йеля, но к президенту университета меня вызвали впервые. Я видел его раньше, пару раз говорил с ним, но, чтобы так, как только что... От ярости сводило скулы.

Зарывав, я ударил кулаком по стене. Отчитывал меня, как какого-то безродного недоноска, меня! *Меня, черт поберу!*

Широкими шагами пересекаю холл, двигаюсь к выходу из помпезного административного здания и направляюсь в сторону кампуса, где уже началась лекция из моего списка занятий. Черт. Черт! Достаяю телефон, чтобы набрать Мэтта Калигана, моего лучшего друга.

– Мэтт! – рявкаю, как только Калиган отвечает.

– Джаред, я в курсе, что тебя вызвал Роджерс. Меня тоже вызывают сегодня в три, – Мэтт опережает мой вопрос. Вот, что мне в нем нравится – он не трус, не тупой и не зануда. Во всех передрыгах мы поддерживаем друг друга. И его не нужно просить, я знаю, что он всегда выручит. А если придется, то и подставится вместо меня.

– Кто слил нас? – требовательно спрашиваю я.

– Есть информация, Джар, но не точная.

– Говори.

– Сбавь обороты, друг, – нервно смеется Калиган. – Это я, Мэтт, а не твоя горничная.

– Извини, парень, – ухмыляюсь я. – Так что? Кто это?

– Том Коулман, – голос Мэтта становится серьезным.

Я хмурюсь, пытаюсь сопоставить свои ассоциации с названным именем. *Пусто, б**ь.*

– И кто такой Том Коулман?

– Да парень один, со второго курса. Ничего выдающегося. Безликий. Говорят, он донес. Они, вроде как, с Сэмом учились вместе. Коулман врачей вызвал.

– Откуда столько информации, Мэтт? – сухо осведомляюсь я.

– Мой отец не такая крупная шишка, и его президент Роджерс потревожил первым. Прямых улик у меня нет, но отцу сказали, что донос настрочил приятель Сэма Ченси. Остальное дело техники.

– Отлично сработано, парень. Буду думать, что делать с Коулманом, – прохожу через зеленый дворик перед кампусом. Несколько студентов, разбившись на группы, толпятся возле здания. Завидев меня, те, кто попадаются на пути, поспешно расступаются, приветственно кивая. Я даже не смотрю на них, продолжая разговаривать с другом, и даю ему наставления.

– Не болтай лишнего, когда Роджерс устроит допрос. Ченси сам пил. Его никто не заставлял. Мы просто отдыхали в баре. Все, кроме этого дебила Коулмана, подтвердят наши слова.

– Понял тебя, Джаред. Давай пересечёмся в столовой в Пирсоне. У меня лекция по праву. Ты сейчас где?

– Рядом, – коротко бросаю я, останавливаясь перед входом в кампус. Изучающе оглядываю студентов, которые старательно либо улыбаются, либо отводят глаза. Как же мне нравится это место. Лениво скольжу взглядом по стройным девицам в коротких юбочках. Не всем льстит мое внимание, могу заметить. Только тем, кто не знает меня близко. Насмешливо ухмыляюсь, замечая Гвинет Ривз, которая мгновенно бледнеет и демонстративно фыркнув, убегает прочь. Ей так хотелось оказаться в компании популярных парней. И она оказалась, но не так, как ей бы того хотелось. Не в том качестве. Не думаю, что до окончания учебы ей удастся восстановить свою подмоченную репутацию шлюшки, которую можно замутить на двоих или даже троих. Глупая идиотка, не способная держать ноги сдвинутыми.

– Мэтт, в четыре в столовой. Всех собери. Нужно продумать план, – приказным тоном сообщаю я.

– Эй, Рэд! – кричит мне блондинка с подпрыгивающими сиськами, обтянутыми тоненькой футболкой. Я, как замороженный, смотрю на, как минимум, третий размер, и только потом поднимаю взгляд на лицо. *Черт, кто такая?* Мне нравится. Не супер, но на разок сгодится.

– Пока, Мэтт. Увидимся, – быстро заканчиваю разговор и убираю телефон в задний карман джинсов. Расплываюсь в своей фирменной улыбке, которая действует на глупых баб безотказно. Сучка млеет.

– Привет, – она краснеет от удовольствия, ведясь на приглушенный тон моего голоса.

– Я – Эйприл. Помнишь меня? Мы несколько раз тренировались на стадионе в одно и то же время.

– Группа поддержки? – интересуюсь, указывая пальцем на фирменную футболку с логотипом баскетбольной команды, за которую я играю.

– Да, группа поддержки! Ты вспомнил! – радостно щебечет девушка. Она хватает за руку высокую шатенку с длинными волосами и упругим задом, которая занята разговором со стайкой других девиц. – А это Сэм, – представляет она подружку. Я оцениваю ее разглядывая милостивое лицо, пухлые губы, голубые глаза. Приторная. Мэтт тащится от таких вот «губки-глазки».

– Привет, Сэм. Ты тоже из группы поддержки? – пристально разглядываю ее ноги. Они определённо стоят внимания. Вот если бы эти ноги и к груди... *как там ее?..* Эйприл, было бы круто.

– Да. Мы недавно присоединились к девочкам, и вошли в основной состав, – Сэм проводит рукой по бедру в короткой юбке, явно для того, чтобы в очередной раз привлечь мое внимание к ее стройным ногам. *А голос у нее приятный.*

– Амбиции растут. Хотите повеселиться, крошки? – выгнув бровь, в лоб спрашиваю я. Их интерес очевиден, и смысла ходить вокруг да около я не вижу.

Девушки не успевают ответить, их отвлекает стремительно направляющаяся в нашу сторону Мелания Йонсен. Улыбка сползает с моих губ, и все тело охватывает уже знакомое напряжение. Бл*дство. Откуда я знаю, как зовут эту крошку, которая, словно не замечая меня, смотрит исключительно на своих подруг?

Об этом позже. Хуже другое. Я вспоминаю, кто такой Том Коулман, увидев миниатюрную Меланию Йонсен с ее серьезным, всегда немного напуганным выражением лица и робкой, рассеянной улыбкой.

– Мне пора, крошки, – машу рукой девушкам, игнорируя их разочарованные лица, и поднимаюсь по ступеням к дверям кампуса, думая о Мелании Йонсен.

Если бы ангелы существовали, то они выглядели бы именно так. Я, несомненно, хотел бы трахнуть этого маленького пугливого ангелочка, который слишком часто мозолит мне глаза.

Но, в отличие от своих подружек, она заставит меня потратить мое драгоценное время на долгие ухаживания, а я не вижу в этом смысла. Всегда есть те, кого не нужно уговаривать. Я наводил справки – Мелания Йонсен не из тех, кто «дает» на первом свидании. О ней, вообще, мало что известно. Заурядная личность, живет на стипендию, подрабатывает. Плохо одевается, но шикарно выглядит даже в дешевых шмотках. В ней есть что-то, заставляющее меня на пару секунд забыть об остальных. Какая-то хрупкость, неземная легкость. Смотрю на нее сейчас, и не могу заставить себя отвернуться. Простая черная зауженная юбка по колено, белая блузка с глухим воротом и коротким рукавом, жакет застегнутый на груди, обувь на низком каблуке, заплетенные в длинную толстую косу светлые волосы. Скучно. Никто из моих друзей не посмотрел бы на нее дважды. И они долго ржали, когда я, ткнув на нее пальцем, сказал «хочу». Но, видимо, они смотрели на Меланию другими глазами. Тогда я и узнал, что мое «хочу», скорее всего, обломается или сильно затянется.

В первый раз я заметил ее в библиотеке с тем самым Коулманом, который сдал меня и мою команду единомышленников президенту университета. Мелания смеялась, что-то пока-

зывая своему приятелю в книге. Сначала меня привлек звук ее смеха – мелодичный, чистый, искренний. Я поднял голову, чтобы посмотреть, кто отвлек меня от подготовки к семинару. Ее волосы не были заплетены, как сейчас. Длинные, белоснежные, волнистые, словно подсвеченные серебром. Драгоценный блеск, платина, белое золото.

Шелковые простыни, хрупкое стройное тело с мраморной, почти прозрачной кожей. И белокурые пряди, рассыпавшиеся по подушке... Вот, что приходило мне на ум, пока я смотрел, как она заправляет тонкими пальцами мешающиеся локоны за аккуратное ушко. Я не знаю почему я так завелся от созерцания ее волос, но просто завис на несколько мгновений. А потом она подняла голову, почувствовав мой настойчивый жадный взгляд, и я потрясённо втянул воздух, встретив самые голубые глаза в мире. Готов поклясться, они меняли свой цвет в зависимости от настроения. В моей стране за нее отдали бы целое состояние. Таких девушек там не видели, и даже я, прожив в Америке пять лет, никогда не видел подобного совершенства. Она несомненно требует огранки, но материал превосходный. Прищурился, я продолжал рассматривать Меланию, не обращая никакого внимания на ее парня. Меня не смущало, что ей понятен смысл моего внимания и уверен, что выражение моих глаз говорило само за себя. Медленно улынувшись чувственной хищной улыбкой, я заметил, как девушка нервно сглотнула и быстро опустила голову.

Нет, черт возьми, не отворачивайся от меня.

Но Мелания так больше ни разу и не удостоила меня взглядом. И совсем скоро утащила своего приятеля из библиотеки, чтобы не ощущать на себе мой горячий и алчный взгляд. Я проследил за ней до двери, отметив стройную миниатюрную фигурку. На ней было длинное белое платье свободного кроя, спадающее с одного плеча, поэтому мне не удалось рассмотреть ее женственные изгибы более детально.

Я бы забыл об этом эпизоде, и поразившая меня внешность девушки с голубыми, как самый чистый бриллиант, глазами стёрлась бы из памяти довольно быстро. Слишком много ярких, красивых, избалованных и дорогих сучек прошло через мою постель. Я не живу в общепитии и могу себе позволить иметь за ночь хоть пятерых, и никто мне и слова не скажет. Вечеринки, которые я устраиваю по четвергам, потом обсуждаются всем университетом целую неделю. Каждая симпатичная девушка мечтает попасть на мою тусовку, но я приглашаю самых-самых. Избранные, дорогие, горячие шлюшки попадают в мой дом в центре города по специальному приглашению. Три этажа, две гостиные, восемь спален и целый штат прислуги. Бар всегда до отказа наполненный элитным алкоголем. Мои гости часто остаются на ночь. А мои гости ровно до того времени, как я получаю от них все, что хотелось и планировалось. И я не чувствую себя одиноко в огромном доме, который снял для меня отец на время моего обучения. Скучать, если честно, некогда.

При таком бурном образе жизни долго удерживать в памяти какую-то прозрачную блондиночку было просто нереально. Но, как назло, мы постоянно с ней сталкивались в стенах университета. Один раз она буквально врезалась в меня, чуть не разбив себе нос. Смешная... Я просто обошел мимо, не взглянув в раздосадованное неловким инцидентом лицо. Каждый раз она избегала моего взгляда, обходя стороной, и я делал то же самое. Было очевидно, что я ей не нравлюсь, или пугаю, или она наслушалась сплетен обо мне. Странное ощущение. Азарт. И в то же время раздражение. Злость. Похоть.

Мне бы хотелось нагнуть эту гордячку, которая воротит нос от самого популярного парня в университете. Но, с другой стороны, эта девушка не принадлежала к кругу топовых красоток, которых я обычно предпочитал видеть под собой. И все в ней предвещало проблемы и сложности. Мне не нужны заморочки. Я пустил дело на самотек, решив зря не тратить свое внимание и время на Меланию Йонсен, но, видимо, все-таки ей не избежать чести присоединиться к списку моих «бывших в употреблении». Ее парень помог мне в принятии решения.

Заходя в аудиторию, я мрачно улыбаюсь своим мыслям, присаживаясь на свободное место в последнем ряду. Я даже ручку и блокнот не достаю. Мои мысли вертятся вокруг хрупкой, обреченной на съедение, Мелании. Пора, крошка. Я и так ждал слишком долго.

Лекция пролетает незаметно, и ничего из зачитанного преподавателем материала не откладывается в моей памяти. На самом деле, я думал, о чем угодно, только не об изучаемом предмете. Плевать, основные баллы уже проставлены. В голове снова и снова крутится разговор с президентом Роджерсом, с каждой минутой делая мой план в отношении ничего не подозревающей девушки все изощрённее. Понимаю, что она не при чем. И к истории с доносом на меня и мою компанию не имеет абсолютно никакого отношения. Но мне необходим повод, чтобы дать себе волю. Я хочу получить эту крошку. Хочу убедиться, что она ничем не отличается от других, и вся эта ангельская внешность – просто пыль, которую она умело бросает в глаза, набивая себе цену. Уверен, что блондиночка раздвинет свои ножки так же быстро, как и ее предшественницы, стоит мне проявить немного настойчивости, фантазии и капельку внимания.

В перерыве между лекциями, согласно договоренности, встречаемся с Мэттом в столовой. Я беру себе стейк из говядины и овощной салат, из напитков – крепкий кофе. Но этот кофе просто вода по сравнению с тем, что варят у меня на родине. Не то, чтобы я скучаю... Честно говоря, возвращаться совсем не хочется, но теперь обстоятельства изменились. Я больше не обязан жить в доме первой жены отца. Личные вещи уже перевезли в пустующий особняк моей матери, где я жил до одиннадцати лет. Так же отец сообщил, что в качестве подарка за диплом он начал строительство виллы для меня и моей будущей жены. А дом матери, после моего заселения во дворец, скорее всего перейдет второй жене, если она, конечно, появится. Наша религия позволяет нам брать себе до четырёх жен. У моего отца их три, и огромное количество наложниц, которых он содержал на отдельной вилле, но жены прекрасно знали о существовании гнезда разврата. Моя мать тоже была наложницей, но на привилегированных условиях. Отдельный дом на полторы тысячи квадратов, роскошные подарки, признание внебрачного ребенка, как одного из наследников. Думаю, он любил ее, если это понятие можно отнести к арабским мужчинам, которые позволят участвовать женщине в своей жизни для удовлетворения двух потребностей – секс и сыновья. Не уверен, что буду брать вторую жену. Не вижу смысла. Я создам свой оазис наслаждений.

Когда мне было пятнадцать, отец привел меня на свою виллу, где частенько проводил время. Как раз привезли новых девушек из стран третьего мира. Совсем молоденькие и невинные. Отец позволил выбрать мне трех. Я знаю, что сейчас они ждут меня и никто ими не пользуется в мое отсутствие. К моему возвращению, девушек поселят в женской половине дома моей матери, обеспечив всем необходимым. Уверен, что они ждут меня с нетерпением после пяти лет отсутствия. Изголодавшиеся, смуглые красавицы с гибкими стройными телами. Ммм... это будет незабываемое возвращение. Я широко улыбаюсь своим мыслям, когда замечаю Мэтта Калигана. Друг направляется в мою сторону, удерживая в руках поднос. Несколько девушек за соседними столиками оборачиваются ему вслед, возбужденно хихикая и перешептываясь. Мэтт, надо признать, пользуется не меньшим успехом у девушек, чем я. Мы вместе тренируемся и участвуем почти во всех спортивных мероприятиях Йеля, и наша физическая форма выгодно отличается от хилых тел местных ботаников. И, в отличие от меня, он более... *мягок с девушками*. Я же не считаю нужным церемониться со шлюхами. Если девушка позволяет себя трахнуть на первом свидании, она не заслуживает иного отношения. Но с некоторыми бывает весело, и я пользуюсь ими больше одного раза. Таких счастливиц за время моего обучения здесь накопилось не больше десятка.

– Выглядишь так, словно только что мысленно трахнул Скарлетт Йохансен, – с лукавой улыбкой замечает Мэтт, присаживаясь напротив. Оглядываясь, он широко улыбается перешептывающимся девушкам из группы поддержки за соседним столиком.

– Почти, – с ухмылкой замечает я. – Меланию Йонсен. Причем, в извращенной форме. И фамилии, заметь, почти одинаковые.

– Ты опять за свое, – неодобрительно смотрит на меня Мэтт, переставляя с подноса на стол запеченные свиные ребрышки под острым соусом. Я делаю гримасу, выражающую отвращение к блюду своего приятеля. Мне с детства внушали, что свинина – грязное мясо, и даже смотреть на то, как его едят другие мне неприятно. – Только зря потратишь время, – заканчивает мысль Мэтт. – И у нее парень есть. Стоп! – друг изумленно смотрит на меня. – Коулман? – осенила его догадка.

– Он доставил мне неприятности, – с деланным равнодушием произношу я, глядя на свои часы, потом на костяшки пальцев, сжав руку в кулак. – Я не просто дух из него выбью, я еще и подружку его трахну. Как думаешь, равносильное наказание его крысиному преступлению?

– Идея, конечно, интересная, – задумчиво протягивает Калиган, делая большой глоток кофе из своего стакана, на время отставляя тарелку со своим отвратительным обедом. – Но, как ты планируешь ее осуществить?

– Вечеринка. У тебя. Сегодня, – кратко обозначаю я основные моменты.

– Она не ходит на вечеринки, – качает головой Мэтт. Я небрежно пожимаю плечами. – Подожди, а почему у меня?

– Подозреваю, что ко мне она точно не пойдет, – киваю в сторону девушек, которые все еще глазят на нас. – Две из этих текущих сучек ее подружки. Я не стану тратить время, а ты позовешь их, скажешь, что приглашение действует при условии присутствия их нелюдиминой подружки. Про меня ни слова. И про Коулмана не забудь.

Мэтт задумчиво хмурит лоб, размышляя над моим предложением. Лично я не вижу ничего сложного. До банального простой план.

– Окей, Джар, – кивает Мэтт. – Если мы все-таки затащим на вечеринку эту ботаничку, то с чего ты взял, что она так легко тебе даст? Может, просто этому козлу морду начистим?

– Слишком просто, – отмахиваюсь я, мрачно ухмыляясь. – Давно хочу стащить трусики с блондинистой сучки.

– Не понимаю, что ты в ней нашел, – пожимает плечами Мэтт. – У тебя любая красotka по свистку, а ты придумываешь целый план, чтобы отыметь какую-то скучную, прозрачную...

– Мэтт, это не ради нее, – обрываю друга на полуслове. – Я просто хочу развлечься. И все.

– Уверен? – он пристально смотрит мне в глаза.

– Нет, б**ь, я влюбился. Ты это хочешь услышать? – раздраженно спрашиваю я.

Мэтт хохочет, хлопая ладонями по столу.

– Я представил, – давясь от смеха, говорит мой друг-придурок. – Выхаживаете такие под ручку по Йелю, рассуждая о сонетах Шекспира. Ты в рубашечке и брючках со стрелочкой, в круглых очочках, она в платице в горошек.

И тут я тоже начинаю ржать, как одержимый.

– Я могу на тебя рассчитывать? – когда мы оба успокоились, серьезно спрашиваю я.

– Конечно, друг, – уверенно кивает Мэтт. – Я поговорю с этими курицами. Ты получишь свою мышку на основное блюдо вечером. Потом расскажешь, как она, – добавляет он с пошлой улыбочкой. – Возможно, я тоже перейду на тихонь. Кто знает, какие там страсти кипят под невзрачной внешностью.

– Мелания не невзрачная. Ей просто не хватает стиля, финансовых возможностей. Ты слепой, если не видишь очевидных вещей, – с раздраженными нотками в голосе говорю я. – Но, давай, уже закроем тему и поедим. У меня не на шутку аппетит разыгрался после всех этих разговоров.

Закончив с обедом, а оставляю Мэтта, с ухмылкой заметив, что он с энтузиазмом взялся за выполнение задания. Я еще не вышел из столовой, а он уже флиртовал с подружками Мелании Йонсен, которой предстоит стать моим поздним ужином. Будет вкусно, я не сомневаюсь. Вкусно, приятно и горячо.

На следующую лекцию по финансовому делу я захожу с небольшим опозданием. Полу-круглая просторная аудитория заполнена до отказа. Сажусь в последний ряд, на единственное свободное место, не получив ни малейшего замечания со стороны Шварца – преподавателя, который слывет своей строгостью и повышенными требованиями к дисциплине. Но мне позволено больше, чем остальным, и я всюду использую свое преимущество. Вальяжно развалившись на стуле, лениво осматриваю аудиторию. Когда мой взгляд натывается на знакомый профиль, я не могу поверить в свою удачу. Мне посчастливилось немного полюбоваться мышкой, прежде, чем съесть ее. Наверное, мне стоит немного поиграть с добычей. Пусть обратит на меня внимание. Ну, что малышка, разогреемся перед незабываемым вечером?

Смотрю в упор на распинающегося перед студентами Шварца.

– На рынке также работают ипотечные брокеры, – говорит он с важным видом. Делает паузу и добавляет не менее деловитым тоном. – Это люди, которые дают консультации по ипотечным кредитам. И что интересно, их деятельность никак не регулировалась до финансового кризиса...

О, да, мой выход. Поднимаю вверх руку с ручкой, привлекая внимание Шварца, обрываю его на полуслове, задавая вопрос, который первый приходит в голову.

– Хм, не регулировалась? Значит таким экспертом мог стать кто-угодно? Даже бывший преступник?

Боковым зрением, я замечаю, как белокурая головка поворачивается в мою сторону. То, что нужно. *Смотри на меня, девочка.* Отныне, я буду твоим ночным кошмаром. Этот вечер ты точно не забудешь. *Никогда.*

Мелания

Так, Мэл, не отвлекайся.

«Инвестиционные управляющие и их роль в финансовой системе...» – быстро записала в тетради тему сегодняшней лекции, стараясь внимательно слушать преподавателя – мистера Шварца.

Я не успевала за его словами, потому что отвлеклась на этого... *неприятного молодого человека*, что опоздал на пару. Удивительно, что его вообще пустили.

Но, видимо, никто не смеет перечить этому принцу-выскочке.

Я посмотрела в его сторону и тут же отвела взгляд, вернувшись назад к тетради. *Тоже мне, принц.* Сын алмазного миллиардера из страны где-то там... а, черт его знает где. И даже не единственный наследник. Один из троих. Я слышала, что двое старших братьев засранца тоже учились здесь. Хорошим поведением не отличались, но этот переплюнул всех. Типичный самовлюбленный эгоист, уверенный в том, что вокруг него вертится весь белый свет.

Мне хватило пару взглядов на Саадата, чтобы понять, что он из себя представляет. Неприязнь – это самое безобидное из чувств, которые во мне вызывает «принц». Особенно раздражает то, как Саадат ведет себя, словно он хозяин мира, не меньше. Самовлюбленный, насквозь фальшивый, циничный... Это лишь короткий перечень синонимов, которые можно к нему применить. О его личной жизни ходят легенды, а он только рад стараться, каждый день тиская в коридорах Йеля новую подружку. А чего только стоят эти его похотливые улыбки в сторону каждой короткой юбки?

Может всем девочкам и нравятся такие парни, но я точно не в числе фанаток пустоголовых нарциссов.

Сжимая челюсти, возвращаюсь к лекции, строча так быстро, что устает рука. Глаза бы мои его не видели, но лекция по финансам проходит сразу у нескольких курсов одновременно. С привилегированным выскочкой у нас редко совпадают лекции, слишком велик разрыв. Я на втором курсе, Саадат на последнем, а это значит, что совсем скоро он исчезнет из коридоров священного и любимого Йельского университета и перестанет маячить перед моими глазами. И бесконечно раздражать своим эгоцентричным и циничным поведением. Не в моих правилах судить о человеке «по обложке», но Джаред Саадат – это тот случай, когда грязные слухи о нем ничто, по сравнению с реальностью.

Я не знаю наверняка. Я просто это чувствую.

– На рынке также работают ипотечные брокеры, – вещал мистер Шварц. *Ох, как я «люблю» финансы.* – Это люди, которые дают консультации по ипотечным кредитам. И что интересно, их деятельность никак не регулировалась до финансового кризиса... – мистер Шварц осекся, и я услышала низкий баритон с хрипотцой, доносившийся с моего ряда.

Саадат сидел на другом конце полукруглой аудитории.

– Хм, не регулировалась? Значит стать таким экспертом мог стать кто-угодно? Даже бывший преступник? – я снова посмотрела на профиль молодого человека, подавшего голос. Никто не перебивает мистера Шварца, пока он сам не задает вопрос. Он сидел в расслабленной позе, будто присутствовал не на паре по финансам, а обедал с другом в столовой. Нет, дело было даже не в позе и не в том, что на нем темно-синяя футболка с аббревиатурой нашего университета (YALE), плотно прилегающая к рельефному телу. А в его взгляде, и в том, как Саадат общается с преподавателем. Так, словно они с мистером Шварцом не то, чтобы на равных, а так, словно он считал себя выше всех присутствующих в этой аудитории.

Он – король мира, а мы так, массовка, тени, на красочной картине его жизни.

Да, я совсем его не знаю. Но чувства у меня к нему самые негативные и неприятные. Терпеть не могу выскочек, а ещё больше – влюбленных в себя парней. *Такие все одинаковы.* Смотрят на людей с высоты своего эгоцентричного «я», позволяя приблизиться лишь избранным, и то, если сами имеют с этого какую-то выгоду.

– Теоретически да, мистер Саадат, – ответил парню мистер Шварц и даже слегка улыбнулся. – Хотя, после финансового кризиса, это упущение исправили... – преподаватель продолжил лекцию, а я замерла с ручкой над белым листом бумаги.

Тяжело вздохнула, возведя глаза к небу... получилось слишком громко. Несколько сокурсников посмотрели на меня, и он повернулся в том числе, одарив меня беглым, пренебрежительным взглядом. Холодным, снисходительным... сравнивающим меня с землей.

Кровь прилила к щекам, я молилась, чтобы он этого не заметил. И все же всего на миг мы встретились взглядами: его серебряные, как гладь зеркала, глаза, прожгли мне нутро своей холодностью. Да, да, *прожгли холодностью.*

Потому что... несмотря на обычно некую отрешенность и превосходство во взгляде, все знали, насколько у этого парня горячая кровь. О да, о его темпераменте ходили легенды.

Впрочем, меня это волновать не должно. Я даже удивлена, что он соизволил взглянуть на меня.

Помнится, как – то я шла по коридору, свернула за угол... и ударила лбом о его каменную грудь. Он такой огромный и крепкий, что я могла бы получить сотрясение, если бы бежала. И что? Этот ублюдок даже бровью не повел, и пальцем не пошевелил, чтобы помочь мне собрать повалившиеся на пол тетради и учебники. Он не одарил меня ни словом, ни взглядом. Просто пошел дальше, ни разу не обернувшись...

Для самодовольного ублюдка я была невидимкой – еще бы, со своим ростом в 159 сантиметров, светлыми волосами и хрупкой фигуркой, я сливалась с солнечными лучами на стенах университета. Не то, чтобы я жаждала внимания Саадата, нет. Но то, что он никогда меня не замечал, уязвляло мою самооценку. Я же не слепая, и не раз замечала, как бесцеремонно он

флиртует с многочисленными девушками нашего университета. Постоянно. *Особенно, с блондинками.* Видимо у него пунктик в отношении цвета волос.

И ни одна его не отталкивала. Ни разу. Или не при мне. Просто ради того, чтобы отшить, я бы, возможно, хотела получить от него хоть малейший знак внимания, чтобы поставить его на место. Ух, я бы сломала его безотказную систему поведения – дьявольски очаровательная улыбка, игра мышц...

Я с ужасом осознала, что ничего не записываю за Шварцом, и уже три минуты, как думаю об этом у блюдке.

Снова смотрю украдкой на арабского миллионера. На самом деле, внешне он совсем не похож на представителя арабского мира. По фильмам я представляла жителей Ближнего Востока совсем иначе. Джаред же ломал все стереотипы. Кожа смуглая, будто он живет на пляже, но не настолько, чтобы его можно было принять за араба, пепельно-каштановые волосы, некоторые пряди словно выгорели на солнце, а глаза и вовсе тема отдельная – их стальной, почти прозрачный оттенок, в контрасте с загорелой кожей, смотрится необычно, и этот диссонанс, признаюсь, завораживает.

Смотрю на свою руку – кожа покрылась мурашками, но явно не от прохладного воздуха в аудитории. *От его взгляда.*

Отвернулась.

Я чувствовала, что он до сих пор смотрел на меня, и знала, что, если посмотрю на Саадата, парень уже опустит или переведет взгляд в сторону.

Всю пару я провожу, нервно ерзая на скамье, а когда она, наконец, заканчивается, вздыхаю с облегчением. До следующей лекции есть сорок пять минут, а это значит, что мне пора на обед с Эйприл и Сэм.

Выхожу из аудитории, краем глаза наблюдая, как Саадат задержался, чтобы перекинуться парой слов с очередной блондинкой в кофточке с глубоким декольте. Чертов хищник. От него нужно держаться подальше.

Хотя ему, к счастью, все равно плевать на меня.

Даже не знаю, почему отчасти меня это задевает. Хотя нет, знаю. Исключительно потому, что я бы очень хотела поставить его на место, и дать понять, что не все ноги мира раздвинутся по щелчку его пальцев.

Я стараюсь не думать о нем, но его серебряные глаза то и дело всплывают перед моим внутренним взором. И так до тех пор, пока Сэм и Эйприл не опускают свои подносы на столе, за которым мы всегда обедаем.

– Ненавижу тебя, Мэл, – Эйприл с раздражением смотрит на мой поднос. Я старалась соблюдать правильное питание, несмотря на то, что всю жизнь была хрупкой и маленькой. Но когда нервничала, всегда заказывала какую-нибудь вредность.

И почему я нервничаю?

Мне не мешало бы поправиться. Хоть чуть-чуть. Но моя фигура осталась бы такой, даже если бы я съела ногу динозавра.

А вот Эйприл постоянно сидела на диетах, ограничивая себя во всем, кроме... алкоголя, что литрами поглощала на вечеринках.

– Пицца пахнет божественно, а я на низкоуглеводной диете, – закончила фразу она, ковыряясь в своем черничном йогурте.

– Что ж, твоя диета продлится ровно до девяти часов вечера, – скептически заметила Сэм, толкая ее в бок.

– А что будет вечером? – без интереса спросила, уже зная ответ заранее. Мы познакомились с девочками еще на первом курсе. Первые несколько месяцев, мне было трудно побороть себя и подружиться с кем-либо. Я не привыкла доверять или открываться людям, но потом поняла, что без общения мне не протянуть.

Я превращалась в типичного «книжного червя», целыми днями пропадающего в библиотеке. В девушку, которой не с кем сходить в кино, или обсудить последнюю прочитанную книгу. Да, девочки моих увлечений не разделяли, но, по крайней мере, я была не одна. К тому же, мне просто необходимы были подруги, с которыми я могу убежать от, порой чересчур навязчивого, внимания Томаса.

Иногда мне кажется, что Томас попрощался со своей мечтой о Гарварде, просто чтобы учиться в одном городе и университете со мной. Это пугало меня, но, с другой стороны, Томас был отличным другом и человеком, проверенным временем – именно он был рядом со мной, когда я убегала из дома, поссорившись с папой. Именно он был рядом, после того, что я пережила, потеряв единственного родного, после мамы, человека.

Наверное, мы с Томом были куда больше, чем друзья. Иногда я позволяла ему нежные поцелуи в щеку. Но к более взрослым отношениям, не была готова.

Том никогда не попросит у меня того, что я не захочу ему дать сама. А рано или поздно, я могу этого захотеть, просто потому что... он действительно нравится мне. Он нежен и заботлив. Он всегда рядом, когда мне нужна помощь, или мне нужно с кем-то поговорить. И он, по крайней мере, разделяет мои интересы – в частности, литературу и искусство.

Но иногда его слишком много. И вот тогда на помощь приходят Эйприл и Сэм. Мы подружались, когда я помогла им с подготовкой к экзаменам... девочки едва успевали за программой университета, из-за спортивных тренировок и всевозможных тусовок. К счастью, от меня они отстали еще полгода назад, убедившись в том, что меня нереально затащить на вечеринку.

У меня есть дела поважнее, чем наблюдать за тем, как все напиваются в хлам, снимают драки на видео, и не только драки... А вечеринки, которые закатывает Джаред Саадат и его дружки, так вообще больше напоминают логово разврата.

Но ему все сходит с рук.

– А вечером мы идем к Мэтту Калигану. И когда я говорю МЫ, я имею в виду нас троих, Мелания. – Сэм сдвинула брови к переносице, и с укоризной посмотрела на меня. – Ну сколько можно, Мэл?! Скоро каникулы.

– Через четыре месяца, а потом еще практика.

– ТЫ никуда не ходишь...! – начала давить и Эйприл.

– Девочки, я работаю, – улыбнулась, благодаря Бога за то, что у меня есть потрясающая отговорка. – Стипендии не хватает, чтобы оплатить все расходы.

– Нет, врушка. Я позвонила тебе на работу – сегодня твой выходной, – Сэм ехидно ухмыльнулась, заметив безысходность на моем лице.

– Девочки, я правда очень хотела провести вечер с чашкой какао и Джеком Лондоном...

– Что еще за Джек? ТВОЙ ПАРЕНЬ? Почему ты молчала?!

– Дура, это писатель, – Сэм снова толкнула Эйприл, и они захихикали не самым приятным смехом. Они всегда так ржут, когда наши интересы расходятся.

– Мелани, может хватит проводить вечера с писателями? Они не смогут подарить тебе... – Эйприл встряхнула волосами, похотливо улыбнувшись парню из баскетбольной команды, что проходил мимо нашего столика. – *Особый вид удовольствия.* Тебе уже девятнадцать! Пора переходить на спортсменов.

– Не понимаю, как можно учиться в Йеле, и не знать, кто такой Джек Лондон. Как ты сюда попала? – отвечаю им колкостью в ответ. – И вы же знаете, мне это не интересно. Я не хочу весь вечер отбиваться от придурков, которые думают, что им все можно.

– Мэл, это просто секс. Просто секс! И не более. Почему ты ко всему так серьезно относишься? Это же..., как тренировка, – подруга закусил губу, явно вспоминая одну из таких «тренировок». – И, если парень хочет тебя трахнуть, это не значит, что он придурок. Это значит, что ты привлекательна. А ты часто себя такой чувствуешь, когда сидишь в обнимку с книжками?! И тебе всерьез стоит подумать над этим. У тебя из месяца в месяц ничего не меня-

ется. Книги, работа, учеба. Как можно так жить? Правильная ты наша. Иногда, рядом с тобой, я чувствую себя последней шлюхой. Хорошо, что есть Сэм... а ты у нас еще совсем маленькая девочка, – Эйприл продолжала давить, рассуждая о моей девственности, как о недостатке. – На самом деле, из этой ситуации есть выход. Если кто-то к тебе пристаёт, говори прямо, что ты девственница.

– Да, поверь, никому не нужны с тобой проблемы. Никто не любит девственниц и брать на себя такую ответственность. Парни хотят всего и сразу, и ммм... в разных позах. А ты же жуткая неумеха. Что ты там можешь? Лечь на кровать и плакать, глядя в потолок? Поверь, как только приставучие, как ты выразилась, придурки, узнают о твоём маленьком недостатке... У них сразу... ну ты понимаешь, – Сэм продолжала смеяться и опустила указательный палец вниз.

Понимаю, подруга, вроде как, шутит, но звучит не очень приятно.

Я покраснела, при одной только мысли о том, что могут подумать обо мне окружающие. Что я обсуждаю за обедом такие вещи? А вдруг здесь есть преподаватели? О, черт.

– Мэл, твоя девственность прекрасная защита от придурков. А мы просто хотим, чтобы ты, наконец, куда-то выбралась. Ведь ты не вылезает из библиотеки или с работы, тебя даже в кино уже невозможно вытащить! К тому же, ты будешь с Томом. Он тебя защитит, – снова приводила неубедительные аргументы Эйприл.

– Пожалуйста, милая, пошли с нами. Возьми этого Тома, я тебя умоляю. Он, кстати, мне нравится. Всегда хотела попробовать поддоминировать, – я уже не знаю, шутит Сэм или нет, и запихиваю в рот побольше пиццы, чтобы избежать ответа.

А на самом деле понимаю, что на этот раз мне не отвертеться.

Глава 2

«Наверное, есть в нём какая-то злая сила, иначе откуда у него эта власть над ней».
Джек Лондон, «Мартин Иден»

Мелания

– Вы замерзнете, – оглядываю своих подруг в коротких платьях с глубокими декольте, когда мы уже находимся в нашей с Сэм комнате.

– Поверь, мы быстро согреемся, – Сэм уже начала пить какую-то гадость из банки.

Эйприл живет с другой девочкой из группы поддержки, но собираемся в логово разврата мы именно в моей спальне, потому что Сэм любит руководить всем, что движется. Вот и тут она решила указывать мне, что надеть, и попыталась налепить на меня одно из своих развратных платьев. Конечно, я его померила.

Честно говоря, такой я себя никогда не видела. И, в глубине души, мне нравилось мое новое отражение. Платье выгодно подчеркивало талию, а благодаря специальным чашечкам на груди, увеличивало ее небольшой размер. Прохладный шелк обтягивал бедра, которые мне не нравились, но и тут ткань делала свое дело: платье обволакивало меня словно идеальный футляр, и в нем я выглядела сексуально.

Я? Даже не знаю... Чувствовать себя сексуальной было приятно и противно одновременно.

Потому что я себя не узнавала. К тому же, вздрагивала от голоса отца из своих воспоминаний:

Иди учи уроки, дочка. Будь дома в восемь. И никаких вечеринок. Мне не нужны сплетни, о том, что моя дочь шлюха. Никаких коротких юбок!!!

И таких фраз можно припомнить сотни. Я воспитана иначе, и поэтому я снимаю великолепное серебристое платье от Nerve Lager и отдаю его Сэм.

– Я его не одену, – вздыхаю, роясь в своем шкафу.

– Оденешь!

– Так, девочки! Я хоть маленькая и тихая, но не настолько! Я иду на эту вечеринку ТОЛЬКО при одном условии: в своей одежде, и вы перестаете указывать мне, что делать. Ясно? – топнула ногой, окидывая их пристальным взглядом. Сэм и Эйприл заржали, а Эйп от смеха провела красной помадой по щеке и заныла.

– Черт!

– Ты такая милая, когда злишься. Недовольный ангелочек. Ох, чувствую, Мэл, в твоём тихом омуте водятся нехилые черти...

– Прекрати, – огрызаюсь, доставая джинсы и простую клетчатую рубашку. Сэм вырывает их из моих рук.

– Ну уж нет! Одень хотя бы юбку! А этот ужас надо сжечь! – она кидает мою одежду на кровать, и достает из моего шкафа красную обтягивающую, из бандажной ткани, юбку. Короткую. Откуда она у меня?

– Хорошо, но верх я обязательно закрою, – я придирчиво оглядела себя в зеркале. Юбка села на меня идеально, но мне все время хотелось опустить ее пониже. Поджав губы, разглядываю свои слегка торчащие ребра и маленькую грудь в белье, натягиваю простую кремовую майку. А сверху белый кардиган, который застегиваю на все, без исключения, пуговицы.

– Вот ханжа. Может паранджу оденешь тогда?! – Эйприл оглядела меня придирчивым взглядом. – Ладно, что с тобой делать. Видимо, наш план помочь лишиться тебе девственности провалился. ЭТО ШУТКА, Мэл. Просто шутка, – оправдывается она, когда видит недовольное

выражение моего лица. Я кидаю в нее подушку, заканчивая легкий макияж – немного туши и бальзам для губ. К моему бледному лицу румяна так и просятся. Но, думаю, когда я буду созерцать спектакль разврата на вечеринке, румяна мне уже не понадобятся.

– Все, Стивен за нами заехал. Ждет на выходе из кампуса, – объявила Сэм, вскользь упоминая свою сегодняшнюю жертву-спортсмена. В случае с Сэм, парень вполне может оказаться жертвой, а не хищником...

Мы выходим из кампуса, и я поднимаю взгляд на вечернее небо. Оно тяжелое, мрачное, грязно-серого цвета, словно вот-вот пойдет дождь. Холодный порыв ветра не предвещает ничего хорошего и меня морозит до костей. Погода говорит сама себя. Небеса словно предупреждают меня о том, что какао и Джек Лондон – идеальный план на сегодняшний вечер.

Я, с замиранием сердца, перевожу взгляд на голые деревья и вечно зеленую лужайку перед многочисленными зданиями любимого университета. Йель. Я так долго мечтала поступить сюда, что теперь, даже почти два года спустя, не могу поверить, что учусь здесь. Здания, напоминающие мне дома из готической Европы, окрашены первыми сумеречными тенями, и у меня в животе зарождается нехорошее предчувствие...

Кутаюсь в шелковый шарф, что подарил мне Томас на день рождения и застегиваю кожанку.

«Рад, что тебя уговорили выбратсья. Встретимся на вечеринке, милая.» – приходит смс от Тома, и я улыбаюсь. Подружки тянут меня за собой, и вот я уже сижу в машине Стивена. Здесь пахнет так, словно это прокуренный бар, а не салон автомобиля, и тут я окончательно понимаю, что все это – не для меня.

И во что я ввязываюсь?

Ладно, Мэл, успокойся. Всего лишь вечеринка. Ты просто потанцуешь часик, и попросишь Тома отвести тебя домой. Или нет...? Какими бы дурочками ни были Эйприл и Сэм, я бы не хотела оставлять их одних. В прошлый раз Эйп ввязалась в крупные неприятности на одной из вечеринок. Конечно, от того, что была в нетрезвом состоянии, но все же...

Я пить не буду.

Ничего страшного не произойдет.

Ужас. Просто кошмар. Я не понимаю, что движет девушками, когда они одеваются ТАК откровенно. Вроде бы сегодня не Хэллоуин. Но больше половины девчонок одеты так, словно не знают элементарного правила стиля: открывая ноги, закрой грудь. И наоборот.

Хотя Сэм и Эйприл посмеялись бы, озвучь я вслух правила стиля, уверена, они считают, что я одеваюсь безвкусно. Но это только потому что мой гардероб состоит из простых, базовых вещей. Я не дочь богатых родителей.

Я оказалась в Йеле, потому что работала в старшей школе – официанткой, хостес и даже нянечкой. Бралась за любую подработку, чтобы накопить на проживание в кампусе. О дорогой одежде не может идти и речи, и, честно говоря, я не особо в ней нуждаюсь. Наверное, единственное, к чему питаю слабость – это к изысканным украшениям.

Всегда с замиранием сердца смотрю на аккуратные гребни ручной работы на моделях, тонкие браслеты и чокеры, подчеркивающие хрупкость шеи. Иногда делаю их сама из простых материалов – лески, атласа и пуговиц, и даже делала парочку для девочек.

Есть что-то завораживающее в блеске драгоценностей и редких металлов.

Я отгоняю от себя эти мысли, нервно теребя кулон на своей шее. Папа подарил его мне, когда мне исполнилось семь. Джонатан привез его из-за океана, когда вернулся домой, после нескольких месяцев службы.

«Голубоглазый ангел, просто открой этот кулон, если тебе станет одиноко и грустно. Я носил этот кулон в таких местах... о которых не стоит знать маленькой девочке. И знаешь, мне кажется, меня бы сейчас здесь не было, если бы не ты, русалочка моя.» – папа тогда

открыл этот кулон, выглядевший для всех как обычная круглая пластина. Но внутри... слева находилась моя фотография крохотного размера, а справа – голубой камень округлой формы, поражающий своим ослепительным сверканием и переливом граней.

С возрастом я все реже открывала или надевала на себя этот кулон. Хранила в шкатулке, где храню все свои украшения, но кладу в потайной отдел, под первым дном. Мало ли. Я до сих пор не знаю, ценна ли эта вещица или нет, да и не хочу знать. Главное, что для меня кулон бесценен. Память о папе.

После того, как он пропал без вести на службе, мы с мамой остались совсем одни. Мне было десять. Я до сих пор помню звуки ее судорожных всхлипов и горькие рыдания по ночам... мне тоже было больно, но мама плакала так, словно потеряла отца навсегда, а я... слишком сильно верила в чудо, и всегда надеялась на то, что его найдут, и папа вернется.

Моих надежд хватило на три года. Именно тогда я поняла, что чуда не произойдет. И папа больше не вернется со службы под Рождество, не оденет костюм Санты, и не проберется в мою спальню, чтобы съесть молоко и овсяное печенье, которое я ему оставила. Он всегда так делал, а я наблюдала за ним, сквозь ресницы. Чувствовала, как он шуршит пакетом с подарками, аккуратно расставляя коробки под елкой. Сдерживала улыбку, когда чувствовала касание его пальцев на своей щеке...

На третье Рождество после того, как он пропал, я получила в подарок Эдварда. Лучший друг отца, вернувшийся с той самой службы живым – многие годы он «утешал» мою маму. Я была слишком маленькой, и не могла понять, что между ними происходит, пока он не переехал в наш дом. Эдвард установил в нашем доме особые правила. Генерал Армии сухопутных войск, деспотичный, опасный мужчина... я не понимала, как мама могла выбрать его. Война на Ближнем востоке отразилась на его психике. Наверное, мама сходила с ума от одиночества, а он был слишком настойчив...

Я знаю, знаю это на себе. Каким настойчивым может быть Эдвард.

Некоторые правила Эдварда, мама так и не узнала. Он никогда не делал этого при ней.

И он никогда не заботился обо мне по-настоящему. Я была лишена всего: материальной поддержки (Эдвард был далеко не бедным человеком, но мы с мамой понятия не имели, куда уходили его деньги), отцовской заботы, нежности и любви. На смену этим чувствам пришли боль, стыд и отчаяние.

От отца у меня остался только кулон, и несколько ярких воспоминаний, которые постепенно угасали...

И мне до сих пор кажется, что не отдай он кулон, папа был бы сейчас рядом. Улыбался бы и служил на благо этого мира, как делал всегда.

Но он отдал кулон мне, и через несколько лет его не стало.

Я счастлива, что внешне кулон выглядел как обычная бижутерия, иначе бы Эдвард тут же сорвал с меня столь помпезное украшение. Да и мама была бы не рада тому, что я ношу его и привлекаю к себе внимание. А так, он незаметен для всех, но мне грел сердце... особенно в такие моменты, как сейчас. Когда я нервничала.

– Мэл, всего лишь чуть-чуть?! Выпьешь? – Сэм постаралась перекричать оглушающую музыку в доме. Мы находились во владениях Мэтта Калигана – парня с последнего курса. Сегодня этот дом превращен в настоящий ночной клуб внутри: на входе даже стояли парни, которые пускали не всех девушек. Меня окинули странным взглядом, и, переглянувшись между собой, пустили.

Да уж, простите, я забыла оголить сиськи. Не по дресс-коду оделась.

– Что это? – не то, чтобы я была совсем против алкоголя, иногда выпивала бокал вина по праздникам. А в такой сумасшедшей атмосфере мои нервы закипели настолько, что я была бы не прочь немного снять напряжение. Но, заглянув в стаканчик, с отвращением поняла, что это текила.

– Текила, Мэл. Ты уже взрослая девочка, хватит морщить свой маленький носик, – она залпом осушила пластиковый стакан и ускакала туда, где уже во всю шли дикие пляски. Девочки трясли своими бедрами, под треки популярных реперов, а парни свистели. В общем, вакханалия. Праздник для парней, которые заманили в свой дом десятки легкодоступных девушек, которые были только рады потрахаться с ними просто так.

Как сказала Эйприл – это «тренировка». Но я не хотела заниматься этим спортом... для меня секс был важным шагом. Я бы уж точно сделала это с человеком, которому доверяю, и который уважает меня.

Он был бы нежным и аккуратным... но страстным. Да. Я хорошая девочка, но думаю, с любимым могла бы позволить себе большее. Кто знает?

Эйприл была королевой танцпола, пока Сэм зажималась с каким-то парнем в углу. Я не видела его лица, потому что могла лицезреть только его толстовку с надписью YALE, но начала переживать за подруг.

Я слышала много грязных сплетен о Саадате, Калигане... я просто боюсь за репутацию своих девочек. У этих ублюдков есть компромат на всех девушек, что хоть раз побывали в их «сетях».

Под потолком большого зала висел мерцающий шар, отбрасывающий блики на небольшой бассейн прямо под крышей, в котором купались самые отчаянные. В сторону бассейна я старалась вообще не смотреть. Хватило того, что один раз я заметила, как какая-то пьяная девица сорвала с себя купальник...

Но тут я почувствовала жжение на своей коже. Сначала на щеках, потом на ключицах. На груди. Бросив взгляд в сторону источника жжения, ужаснулась. Как такое возможно?

Этот гребанный Саадат настолько горячий, что даже его взгляд на себе чувствую.

Но когда я повернулась в сторону «Повелителя мира», и посмотрела на то, чем он занимается, осознала насколько глубоко заблуждаюсь. Этот парень даже бровью не ведет в мою сторону.

В легких вдруг закончился воздух, когда я кинула взгляд на его, промокшую насквозь, белую футболку. Видимо, искупался на радость тупым курицам.

Кожа на его руках, загорелая, цвета какао с молоком, покрыта татуировками. А через белую футболку, что просвечивала от воды, я могла разглядеть и рисунок под его грудью. Не уверена в том, что вижу детали, но думаю это... круг. И что-то на груди. На одной стороне – будто строчки, а на другой нечто, напоминающее оскалившегося тигра...

Перестань смотреть на него.

Но Джаред притягивал взгляд. От него исходила бешеная и горячая энергия, от которой мое тело то напрягалось, то, наоборот, испытывало такую слабость, что подгибались колени. Не знаю, подмешали ли мне Эйп с Сэм что-то в сок, потому что обычно я контролировала это чувство.

Я никогда не рассматривала спортсменов. Всегда отводила взгляд в сторону... а тут, просто впилась в кубики его напряженного пресса, перешла на руки. Все западают на таких.

Высокий, загорелый и поджарый. Стройный, и в меру накачанный.

Жаль у этой красивой книги, под названием «Арабский принц» очень гнилое содержание.

Наконец, мой слегка рассеянный разум начал видеть всю картину: Джаред восседал на кресле, словно греческий Бог. На одном подлокотнике сидела девушка в черном бикини, которое не оставляло места для воображения, а по другую сторону – но уже на его колене сидела еще одна. И она терлась о его мускулы, руки и плечи... грудью.

Кровь прилила к моим щекам, когда я заметила, как он грубо сжал ее задницу, ерзающую на его коленях, и одарил девушку презрительным, и в то же время похотливым, взглядом.

Всего лишь на секунду, я представила, как подобное отношение оскорбило бы меня. Я мгновенно почувствовала жар в руках и ногах. В помещении стало так душно, что каждый вдох давался с трудом.

Мне точно ничего не подмешали в сок?

Я вытерла шарфом лоб, понимая, что-либо я простудилась, либо Саадат убивает своей энергетикой наповал. Лучше уж первое, чем признаться в том, что я поддаюсь его влиянию.

Я снова кинула на него взгляд. Нет. Он на меня не смотрел. Я заметила, как Джаред, время от времени, окидывает зал медленным, но пристальным взглядом. Но в мою сторону его Величество либо не смотрит, либо не останавливает взгляд.

Я для него – пустое место.

И обычно это меня не задевало, но сейчас, когда я чувствую в душе какую-то необъяснимую бурю и подъем сил, мне хочется врезать ему просто за то, что он настолько самолюбив. И незаслуженно красив. И невероятно сексуален. Нет, это не я подумала. Просто эмоции вышли из-под контроля. Ведь будь Саадат обычным парнем, он бы, наверное, перестал делать все эти ужасные вещи, о которых я слышала из многочисленных сплетен...

– Мэл, все в порядке? – Томас появился передо мной так внезапно, что я испугалась. Еще в начале вечеринки, он ушел играть в бильярд с ребятами. – Ты какая-то напуганная, – Томас заботливо обхватил меня за плечи. Одной рукой потрогал лоб, а после приложился к нему губами. Очень нежно и трепетно.

Я даже начала таять. Иногда заботу Томаса было очень приятно ощущать. С ним, по крайней мере, я чувствовала себя в большей безопасности.

Я посмотрела в его карие глаза, цвета крепкого кофе, и загляделась. Что-то со мной было не так, мир словно кружился вокруг. На всякий случай я поставила стакан с соком на одну из столешниц и позволила Томасу прижать меня к себе ближе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.